

Храм

ДУШИ

ОЧИСТИТ ПЕСНЯ

“Как жаль, что мы не слышим мелодии небес. Некоторые люди слышат и создают духовную музыку. И в светской музыке можно услышать глубину. Есть люди - “ретрансляторы”. Они способны улавливать и передавать чистое звучание, где слово и музыка - едины. Вот так рождалась на Руси русская народная песня, так рождались шедевры православной духовной музыки”.

В.В. Корчев

Когда ему было 20 лет, умер отец. Поминали на 40-й день панихидой: сельские женщины пели мягко, благозвучно. Высокое, божественное пение проникло в душу, щемило и одновременно успокаивало сердце. Он сказал матери: “По душе мне эта музыка”. Впервые студент-музыкант серьезно задумался над тайнами песнопения. Но как и где можно постичь эти тайны?

Владислав Корчев учился, вглядывался в окружающий мир и тайники собственной души, вслушивался в звуки и наигрыши природы, руководил русским народным хором, слыл тонким музыкантом, чутким хормейстером и знать не знал, куда ведет божественное провидение.

Наверное, нет в жизни случайностей - все закономерно. Сначала хормейстер русского народного хора посещает воскресную православную школу, дает уроки вокала протоиерею Владимирского храма в Заволжье, сам становится певчим в храме, а затем и регентом, возглавив женский клирос.

Я знаю Владислава Васильевича много лет как руководителя народного песенного коллектива. Хотя встречаемся мы крайне редко, кажется почему-то, что общение не прерывается. Но каждая новая встреча потрясает: всякий раз Корчев оказывается на ступеньку выше, еще выше и еще - он вообще недостижим. Облик его все время меняется: глаза все более выразительны, лоб шире, борода внушительнее. А требования к исполнителям!..

Если читатель ненароком подумает, что автор статьи задался целью расписать как можно краше образ любимого музыканта, то он не совсем прав: любимых музыкантов много, а Корчев - один и неповторимый. Эдакий философ Голоса и Звука. И кто не знаком с его философией, тот много потерял.

Я иду в ДК имени 1 мая на репетицию. Коллектив под руководством Владислава Корчева готовится к юбилейному концерту. Дата солидная - хору 30 лет! Пятый час занятий, а усталости на лицах хористов не видно. Напротив, глаза сияют, голоса полновочные, густые, летящие. Руководитель и хор - в расцвете творческих сил.

Репетиция заканчивается, и мы остаемся с Владиславом Васильевичем в пустом классе. Включаю диктофон.

«От природы мы все испытываем стремление к сердечному пению. Бывает пение умное - без сердца. Бывает эмоциональное, которое путают с сердечным. Но это не жизнь сердца, а лишь эмоции. А эмоции - это отходы, они не имеют настоящей глубины. Многие люди не предполагают, что есть еще и другое пение. Я говорю об уровне Духа человеческого. Такой уровень признавали многие истинные профессионалы. Например, Станиславский. Дух для него - обязателен. Когда поступки являются не следствием умозаключений, а движимы сердцем, рождается ощущение внутренней свободы: слово начинает жить самостоятельной жизнью, становится материальной субстанцией. Об этом говорили многие мастера, сочинители духовной музыки: Рахманинов, Бортнянский, Чайковский. Эти законы обязательны для любого вида творчества. Еще в молодости, увлекаясь системой Станиславского, я впервые натолкнулся на мысль о мастерстве на уровне Духа человеческого и пытался ее постигнуть...»

Кто ищет глубину, тот отличается от других людей. Он может видеть себя внутренне. Не человек-поплавок, а способный к самопогружению. Церковное православное пение - это и есть самопогружение, поиск внутренней свободы. Суть молитвы - осмысление Божественного Слова и его переход на уровень Духа. Кто живет по заповедям Христа, постится, причащается, сознает свою греховность, тот возрастает и профессионально. Но чтобы достичь Божественного пения, нужен труд, безжалостный к себе. Без целеустремленного труда - со взглядом внутрь себя - ничего не достичь.

Всю сознательную жизнь я испытываю неудовлетворение - что и как делаю. Творчество - это стремление к совершенству. Не просто к красоте стремится человек, а к Божественному совершенству».

Корчев говорит медленно, афористично. Он не поспешит некоторые наблюдения - все это им давно ос-

мыслено. Но почему эмоции – отходы, почему – не от сердца? А, может, и впрямь, сердце отторгает эмоции? Ведь ему нужны перья облаков, крылья деревьев, обращенных к небу, брызги солнечного света на талом снеге, предвещающем близость весны. Остальное – вода, убегающая в тартарары. Так я рассуждаю, пропустив какую-то фразу Корчева, а он, оказывается, уже отвечает на мои раздумья.

«Жизнь Духа человеческого – что это? Когда-то я думал: эмоции. А потом вдруг стал понимать. Ловил удивительной красоты звучание, такую технологическую свободу звука, когда поющий человек превращается в храм (ведь мы по своему строению напоминаем храм). Я слышал звучание правды, истины, и сам в церковном хоре начал углубляться в себя, неоднократно опускаясь на уровень Духа. Так, наконец, постиг: вот она, Жизнь Духа! Это удивительное ощущение: слово становится материальным, чувствуешь его глубину, объем. *И было в начале Слово...* Поиск бесконечен. Человек по своему устройению богоподобен, но люди мы земные, грешные, потому и живет в каждом из нас стремление к совершенствованию».

Мысленно спорю с Владиславом Васильевичем: стремление-то живет, но далеко не каждый этому стремлению поддается. Кто из нас готов трудиться и действительно совершенствоваться, презирав собственную слабость и греховность?

«Пение – таинство души и сердца, - продолжает Владислав Васильевич. - Я помню, как преобразилась мать, когда собиралась петь: лицо становилось строгим, глаза уходили вглубь. Человеку перед пением нужна внутренняя подготовка. Петь – не значит ублажить слушателя, нет – осчастливить себя!»

Народная песня имеет множество пластов. Это уровни, о которых я говорил вначале. Если говорить о главной задаче русского хора, она та же, что и в церковном: дойти до уровня Жизни Духа человеческого. Русская народная песня создавалась мудрыми, живущими сердечной жизнью людьми. Поэтому здесь, в хоре, через постижение духовного опыта народа мы пытаемся достичь того же уровня. Единственная разница в том, что здесь присутствует не молитва, а дру-

гие слова. Но чтобы достичь технологической свободы, нужно звучание правды. Труден путь открытия в себе этой свободы. Иногда наталкиваешься на нежелание открыть свой внутренний храм. Для этого нужно очищать свой храм, как хозяйка очищает дом от всякого мусора. Это огромный труд, на который способны не все. Приходится тратить много сил на то, чтобы человек хотя бы осознал эту необходимость, научился смотреть внутрь себя. Осознание – уже начало пути».

30 лет руководит хором В.В. Корчев. Большинство песен в репертуаре – в его обработке. Обычно русские хоры не исполняют романсы, но Владислав Васильевич ввел романсы, и они всегда исполняются на бис: «Вечерний звон», «Темно-вишневая шаль», «Выйду ль на улицу», «Ямщик, не гони лошадей». Для романса «Вечерний звон» завод им. Володарского специально изготовил однорядные колокола. Были и другие знаковые произведения, которые являлись лицом хора.

«Не люблю дискуссий о народном и академическом пении, - признается Корчев. - Руководитель в силу своих склонностей выбирает характер пения. Но манера должна отвечать природе того или иного края. Северное пение – сдержанное, оно отражает образ первозданной, суровой природы. Волжское пение мне очень близко. Не раз в наших деревнях я слышал полноценное звучание: объемное, глубокое пение полной грудью, которое отражает волжскую природу: простор и широту. Это небо, отраженное в воде! Человек, соприкасаясь с этой широтой, воспроизводит ее в песнопении. Вот почему у нас часто встречаются и низкие басы, и высокие сопрано».

Многие удивляются, как я могу совмещать службу регента в церкви с работой в народном хоре. Мне дорого то и другое. Вижу результат своего труда: растет уровень самодетельного коллектива. Прекрасные люди у нас в хоре. Раньше, в советское время, мы много гастролировали. Где только не побывали! В Москве, Питере, Минске, выступали в Литве и Молдавии, во всех волжских городах – от Казани до Астрахани. Когда такой возможности не стало, многие хористы запротестовали и ушли из коллектива. Кто остался, вскоре понял, для чего нужен хор.

Отработаем юбилейный концерт – будем двигаться дальше, к более сложной программе. Последние годы своей работы с хором хочу посвятить духовной музыке. Чувствую: готовы к этому уровню. Я вообще делаю только то, во что верю сердцем».

Кто-то зарабатывает деньги, а эти чудачки, забыв о делах домашних и проблемах, поют – и три, и пять часов подряд. Нелегко самодетельным певцам, но они счастливы: смотрят на него с восхищением и в поиске чистого, небесного звука тоже тянутся вверх. Растет учитель, растут его подопечные. Философия Корчева – не отвлеченное умозрение, а настоящее Просвещение: торится дорога к Свету, к жизни Духа человеческого.

*С Владиславом Корчевым
беседовала Ольга Шейнак.*

